

18+

Илья Петров

Наладчик

Илья Петров

Наладчик

«Издательские решения»

Петров И.

Наладчик / И. Петров — «Издательские решения»,

Инженер-акустик Илья Ковалёв случайно находит древний мегалит, который нельзя объяснить наукой. Артефакт активирует в нём дар: он видит, где воздух застаивается в людях, где боль не находит выхода. Он становится наладчиком — тем, кто чинит ветер. Но можно ли помочь тому, кто не хочет дышать? «Наладчик» — роман о древней технологии, которая работает до сих пор. О выборе, который всегда остаётся за тобой.

© Петров И.

© Издательские решения

Содержание

НАЛАДЧИК	6
Испытательный срок	9
Глава 1. Идеальный застой	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Наладчик

Илья Петров

© Илья Петров, 2026

ISBN 978-5-0070-7451-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАЛАДЧИК

Пролог. Точка сборки

Я не просил этого дара. Я вообще не верю в дары. Есть просто сбои в восприятии, которые одни называют шизофренией, другие — просветлением, а третьи — профессиональной деформацией. Я — третьи.

Меня зовут Илья Ковалёв. Мне тридцать семь. По образованию я инженер-акустик, по призванию — человек, который умеет слышать то, что не должно быть слышно. Последние десять лет я работал в закрытом НИИ «Сдвиг» — институте, который занимался инфразвуковыми воздействиями на психику. Официально — для борьбы с производственным стрессом. Неофициально — для того, чтобы понимать, как звук может ломать человека.

Я никогда не был гуманитарием. Мне нравились формулы, графики, спектрограммы. Всё, что можно измерить. Всё, что имеет частоту, амплитуду, фазу.

А потом случился объект «Кристалл».

Это было два года назад. Заброшенная военная база в горах. Туда отправляли группы психологов — они возвращались с паническими атаками. Отправляли священников — те начинали говорить на языках, которых не знали. Отправляли физиков — те переставали спать и видели сны про геометрию, которая движется.

Меня отправили как техника. Задача: установить датчики, записать спектр шумов, уехать.

Я установил датчики. Записал спектр. Увидел на графике то, что невозможно было объяснить: стоячую волну с частотой ниже порога слышимости, но с такой амплитудой, что она резонировала с альфа-ритмом человеческого мозга. Обычный человек этого не слышит. Я — слышал.

Не ушами. Не костями. Я слышал это где-то между затылком и позвоночником. Как будто в моём черепе была пустая комната, и в неё кто-то дул.

Я пошёл на звук. Как дурак, как герой дешёвого фильма ужасов. Я прошёл вглубь базы, под землю, в естественную пещеру, которую военные расширили и укрепили бетоном. В центре стоял он.

Я думал, это бетонный резервуар. Но когда я подошёл ближе, я понял: это даже не бетон. Стены были сложены из огромных, идеально подогнанных друг к другу блоков. Никакого раствора. Никаких швов. Полигональная кладка — как в древних храмах Южной Америки или в мегалитических сооружениях, которые учёные не могут объяснить. Камни сидели так плотно, что в щель не просунуть лезвие.

Я провёл рукой по поверхности. Она была холодной. Идеально гладкой, как стекло, хотя на вид — грубый камень. Внутри этого «резервуара» гулял ветер. Но я знал: ветер был не физическим. Он был здесь всегда. Он ждал, пока кто-то снова сможет его услышать.

Позже я узнал: геологическая экспертиза показала, что возраст породы — миллионы лет. Но кладка — рукотворная. И её возраст определить не смогли. Слишком древняя. Слишком чужая.

Я стоял там, наверное, минуту. Может, час. Когда я вышел, я уже не был тем Ильёй, который заходил.

Я видел мир иначе. Не как объекты и тени. Я видел линии напряжения. Как на карте ветров. Поток тек не гладко — он застревал в людях, как горячий песок в горле. Там, где воздух должен был течь свободно, он застаивался. Он звучал как затаённый вой — едва слышный, но от него немели зубы.

Я думал, что сошёл с ума. Я прошёл МРТ, ЭЭГ, кучу тестов. Всё было в норме. Мой мозг был здоров. Просто теперь он обрабатывал информацию, которую раньше отбрасывал.

Я не знал тогда, что «Кристалл» — не единственный. Позже я узнал, что по всему миру есть такие места. Стоунхендж, пирамиды, Аркаим, Теотиуакан — их строили не для поклонения богам. Это была сеть. Древняя, забытая, но работающая до сих пор. Просто мы перестали её слышать. А те, кто слышал — становились диспетчерами.

Через месяц после «Кристалла» ко мне пришли.

Они не представились. Их было двое: мужчина и женщина, одинаково одетые в серое, без опознавательных знаков. Я не знал их имён, но про себя назвал их Куратором (женщина) и Инспектором (мужчина). Куратор говорила мягко — в её голосе была усталость, а не холод. Инспектор говорил сухо, как зачитывал приговор. У него были глаза человека, который видел слишком много и перестал удивляться.

Они сели напротив меня в моей же квартире и сказали:

— Вы видите то, чего не должны видеть.

Я не спорил. Я кивнул.

— Вы знаете, что это такое?

— Ветер, — сказал я. Просто чтобы сказать что-то.

Они переглянулись. Куратор улыбнулась — первой искренней эмоцией за весь разговор.

— Приблизительно, — сказала она. — Мы называем это «Потоком». Вы можете называть как угодно. Душа, прана, ци, дыхание Бога. Название не важно. Важно то, что вы теперь видите его контуры.

— И что мне теперь делать? — спросил я. — Лечиться?

— Нет, — сказал Инспектор. — Вы будете работать.

— Кем? — усмехнулся я. — Медиумом? Шаманом?

— Наладчиком, — сказал он.

Я не понял.

— Представьте, что мир — это система вентиляции, — объяснила Куратор. — Огромная, древняя. Поток должен проходить через все помещения равномерно. Но иногда каналы забиваются. Мусором, страхами, убеждениями, травмами. Люди перестают пропускать воздух. Они задыхаются сами и создают застой вокруг. Вы видите эти застои. Вы можете их устранить.

— Как? Я не экстрасенс.

— Вы инженер, — сказал Инспектор. — Вы умеете находить узкие места и устранять их. Только теперь вместо труб у вас — человеческие судьбы.

Я хотел отказаться. Я хотел сказать, что я учёный, что я не верю в души и ветры. Но я вспомнил ту минуту в резервуаре. Я вспомнил, как стоячая волна резонировала в моём затылке. И я понял: даже если я не верю, это не отменяет того факта, что я это вижу.

— А если я откажусь? — спросил я.

— Мы не можем заставить вас, — ответила Куратор. — Но если вы не будете работать, ваше восприятие будет усиливаться. Вы будете видеть всё больше и больше. Вы будете чувствовать застои у каждого второго человека на улице. Вы не сможете это выключить. И однажды вы просто сойдёте с ума от избытка информации.

— Это угроза?

— Это диагноз, — сказал Инспектор. — Вы сломались, Илья. Мы предлагаем вам стать полезной полумкой.

Я спросил, кто они. Они ответили, что они — Диспетчерская. Не организация, не корпорация. Просто те, кто тоже видят. И кто берёт на себя ответственность поддерживать систему.

— У вас нет выбора, — сказала Куратор на прощание. — У вас есть только решение: быть хорошим наладчиком или плохим. Мы научим вас регламенту.

Они ушли. А я остался сидеть на кухне, глядя на график ветра, который я нарисовал на салфетке. Я понял, что теперь моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Испытательный срок

Первые три месяца я учился.

Я ждал, что мне дадут учебники или инструкцию. Но Куратор просто смотрела на меня и говорила: «Задай вопрос». Я задавал — и ответ появлялся в моей голове. Не голосом. Не текстом. Это было похоже на воспоминание о том, чего я никогда не знал.

Позже я понял, что это такое. «Кристалл» не просто передал мне способность видеть Поток. Он загрузил в меня базу знаний. Как будто я подключился к древней сети, которая работала задолго до появления человечества. Диспетчерская не давала мне знаний. Они просто научили меня пользоваться тем, что уже было внутри. Как учат пользоваться руками — хотя руки у тебя уже есть.

Вот что я узнал.

Первое. Поток не является материей в привычном смысле. Он — разность потенциалов. Между тем, что есть, и тем, что может быть. Между страхом и свободой. Между ложью и правдой. Он течёт от более «плотных» состояний к менее плотным. От зажатости к раскрытию.

Второе. Человек — это не просто ландшафт. Это система каналов. Мысли — это узкие трубы. Эмоции — расширения, где поток может замедляться или ускоряться. Тело — это фильтры. Культура — это внешние стены, которые определяют, куда ветер может заходить, а куда — нет.

Третье. Засоры бывают трёх типов:

— Пробка — когда что-то физически мешает потоку.

— Завихрение — когда поток бесконечно кружится на одном месте.

— Вакуум — когда поток вообще перестаёт заходить.

Четвёртое. Я не могу трогать Поток напрямую. Я могу трогать только Ландшафт. И только очень аккуратно. Если я сломаю ландшафт — поток хлынет слишком сильно, и человека разорвёт. Если я ничего не сделаю — человек задохнётся.

Пятое. У меня есть три попытки на каждый объект. Три встречи, три действия, три слова. Если за три раза поток не нашёл нового русла — объект объявляется «непроницаемым». Диспетчерская пометает его и больше не трогает.

Я спросил: «А что, если я ошибусь? Если я сделаю хуже?»

Мне ответили: «Вы не можете сделать хуже. Застой — это уже худшее. Любое движение — это уже улучшение».

Я не был уверен, что это правда. Но я согласился.

Глава 1. Идеальный застой

Я стоял под его окнами. Профессор Андрей Сергеевич Березин. Сорок пять лет. Феноменолог времени. Идеальная жизнь, идеальная карьера, идеальная пустота.

Но дело было не в его биографии. Дело было в том, что я видел.

Стоя на тротуаре, я смотрел на пятый этаж старого дома. Шторы задёрнуты. Но я видел его поле. Оно было ровным, как гладь чёрной воды в закрытом бассейне. Никаких волн. Никаких рябей. Никакого движения.

Поток не входил в него — он разбивался о невидимую стену и стекал вниз, как вода по стеклу. Я слышал это низкое, почти инфразвуковое гудение — звук пустоты, которая не хочет заполняться. Ветер, который я научился видеть два года назад, просто скользил по поверхности. Не находил ни одной щели. Ни одной трещины. Он был здесь, но он не мог войти.

Я стоял и смотрел. И вдруг понял, что задыхаюсь.

Не физически. Я мог дышать. Но внутри меня — там, где я привык чувствовать движение воздуха, — стало пусто. Его поле давило на мою грудь, как бетонная плита. Его застой передавался мне. Как зевота. Как тоска, которую подхватываешь от другого человека.

Я сделал шаг назад. Потом ещё один. Нужно было отойти, чтобы дышать. Я прислонился к дереву. Мои руки дрожали.

— Твою мать, — прошептал я.

Два года работы. Тридцать два объекта. Я никогда не чувствовал такого. Этот человек не просто застрял. Он высосал всё движение из пространства вокруг себя. Он создал вокруг себя идеальный вакуум. И каждый, кто оказывался рядом, начинал задыхаться вместе с ним.

Я открыл глаза. Посмотрел на его окна. И почувствовал страх.

Не за него. За себя. Потому что я знал: чтобы открыть этот застой, мне придётся зайти внутрь. В эту пустоту. Я должен буду дышать этим вакуумом, пока не найду трещину.

Я выдохнул. И пошёл в книжный магазин.

Сцена вторая. Чужой голос

Я купил его книгу. «Феномен темпоральности в нарративных структурах». Семьсот страниц. Я читал её два дня, почти не отрываясь. И на странице 342 я нашёл его слабое место.

Он писал о «темпоральном разрыве» — моменте, когда время теряет непрерывность. Когда человек переживает событие, которое не вписывается в его историю. Он называл это «травмой». И он утверждал, что любую травму можно интерпретировать. Вписать в нарратив. Объяснить.

Я закрыл книгу. Посмотрел в потолок своей квартиры.

Он боялся того, что нельзя объяснить. Он построил всю свою жизнь, все свои теории, всю свою личность вокруг этой защиты. Если я могу объяснить — я контролирую. Если я контролирую — я в безопасности.

Но что, если я заставлю его пережить момент, который нельзя объяснить?

Я встал. Подошёл к окну. Открыл его. Ветер ударил в лицо — настоящий, физический, живой. Я вдохнул его глубоко.

— Ладно, — сказал я ветру. — Ты мне поможешь.

Ветер не ответил. Но я почувствовал, как он чуть сильнее дунул мне в лицо. Словно согласился.

Сцена третья. Интервью

Мы встретились в его кабинете. Высокие стеллажи. Книги пахнут пылью и временем. Он сидел за столом — аккуратный, выбритый, в идеально отглаженной рубашке.

Я сел напротив. И сразу почувствовал это: пустоту.

Она была везде. В его голосе — ровном, спокойном, без интонаций. В его жестах — точных, но безжизненных. В его глазах — умных, но пустых.

Он говорил о времени, о нарративах, о структурах. Я слушал. И ждал.

Через сорок минут я задал вопрос:

— Андрей Сергеевич, а вы лично переживали темпоральный разрыв? Не теоретически. Практически. Момент, когда время остановилось, и вы не могли это объяснить.

Он замолчал. На секунду. Я увидел, как по его гладкому полю пробежала рябь. Совсем маленькая. Но я заметил.

— Конечно, — сказал он. — Но любой такой опыт можно реконструировать. Память достраивает нарратив. Известный феномен.

— Я не о реконструкции, — сказал я. — Я о самом моменте. Когда вы стояли перед чем-то, что не вписывалось. И вы знали, что не впишется никогда.

Он усмехнулся. Но я видел — его рука чуть дрогнула, когда он поправил очки.

— Это ненаучный подход, молодой человек. Метафизика. Вы хотите, чтобы я поверил в мистический опыт?

— Нет, — сказал я. — Я хочу, чтобы вы просто вспомнили. Если такое было.

Он молчал. Я смотрел на него. И вдруг понял, что сейчас произойдёт что-то важное.

Он заговорил. Тихо. Медленно. Как будто вытаскивал слова из глубокого колодца.

— Был один случай. Когда моя дочь родилась. Я ждал её. Я был готов. Я прочитал кучу литературы. Но когда я взял её на руки... время остановилось.

Он замолчал. Я видел, как его горло дрогнуло. Как он сглотнул.

— Я не мог думать, — сказал он. — Я просто держал её. И чувствовал... не знаю, что. Это длилось секунду. Может, две.

— И что вы сделали? — спросил я.

Он посмотрел на меня. В его взгляде мелькнула тень. Страх? Боль? Я не понял.

— Я объяснил себе это. Гормональный всплеск. Эволюционный механизм привязанности. Всё имеет объяснение.

— А если не имеет? — спросил я.

Он усмехнулся. Но усмешка вышла кривой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.